УДК 94

ШУЛЬЦ Э.Э.

Россия и Германия в первой трети XX в.: выбор пути развития

Статья посвящена путям развития России и Германии после революции 1917 г. и прихода к власти Гитлера в 1933 г., сходству этих путей и их причинам. Автор рассматривает сформировавшиеся экономические формы и политические режимы как реакцию на социальные запросы и необходимость осуществить "выход из бунта" – успокоить массовый социальный протест как в России, так и в Германии. Именно необходимость выхода из бунта, настойчивая потребность снижения уровня социального напряжения и социального протеста в России и Германии 20–30-х гг. направили процесс развития этих государств в том русле, в каком сложилась история этих стран и народов.

Ключевые слова: социальный протест, выход из бунта, Россия и Германия, большевики, НСДАП.

Тот режим, что сформировался в России после гражданской войны и в Германии после 1933 г., внешняя схожесть путей развития этих стран на определенном промежутке времени заставляют задуматься о глубинных корнях и причинах этих социально-политических и экономических явлений. Для того чтобы осознать феномен революции 1917 г. и прихода к власти нацистов в Германии, особенности режимов в СССР в 1920–30-х и в Германии в 30-е гг., необходимо понять социально-психологические установки того времени, запросы общества и представления о дальнейших путях, а также отдавать себе отчет, что политические, экономические и социальные изменения в России и Германии в первой трети XX в. происходили в обстановке сильного социального недовольства и гражданской войны – противостояния одной части общества другой, которое могло находиться в латентной форме или переходить в открытое вооруженное противостояние.

Перед Россией и Германией в первой трети XX в. стояла задача ускоренного развития в сложной международной обстановке между двумя мировыми войнами, где вопросы военно-экономического развития приобретали первостепенное значение. Еще одно сходство условий России и Германии определялось наличием сильного социального протеста и его радикализацией, что привело в России к революциям 1917 г. и гражданской войне, а в Германии – к революциям 1918 и 1919 гг. и гражданской войне 1919–1932 гг., которая проявлялась вооруженными восстаниями и путчами в 1920–23 гг., массовыми акциями протеста и уличными баталиями между ультралевыми и ультраправыми. И в русском, и в германском обществе зрел запрос на кардинальные изменения и сильную власть. Социально-психологические и некоторые политические условия прихода к власти Гитлера в 1933 году были схожи с теми, что случились в России в 1917 г.: 1) неспособность или нежелание власти сопротивляться, 2) отсутствие или бессилие конкурентов, которые проиграли борьбу за власть, 3) стремление различных групп получить выгоды от изменений во властных структурах (вне зависимости от успешности или провала).

Идеи более эффективных форм государства, нежели демократия, были распространены в первой трети XX в. Демократия

ассоциировалась с плутократией и демагогией, неэффективностью и коррупцией. Критика демократии шла с разных сторон: 1) ее классовой ограниченности – со стороны марксистов; 2) в качестве власти "безумной толпы", большинства, которое в принципе не может быть разумным, а такая власть – полезной. Критика такой власти наиболее последовательно и ярко отразилась в работах двух социологов-современников – итальянца В. Парето и немца Р. Михельса, чьи идеи заимствовались нацистами[1].

В России не было демократического опыта, персонализация власти с определенной фигурой или фигурами была в порядке вещей для подавляющего большинства населения, более того, период слабой власти Николая II и "смуты" 1917–1922 гг. в качестве психологического компенсатора требовал стабильности и сильной власти. Не было ничего неожиданного в повороте к авторитарному правлению и в Германии. Во-первых, "аналогичные процессы происходили в большинстве европейских государств"[2]. Во-вторых, в самой Германии, не знавшей длительной истории демократии, президент Гинденбург на протяжении 1930–32 гг. постоянно пользовался правом, предоставленным ему 48-й статьей Веймарской конституции, осуществляя прямое президентское правление. С июля 1930 г. стало все чаще практиковаться выключение рейхстага из управления государством, важнейшие правительственные решения получали форму не парламентских законов, а президентских указов[3]. При Гитлере формально Веймарская конституция не была упразднена, действие ее статей были приостановлены "Законом о защите права и государства", вводившим чрезвычайное положение после поджога рейхстага[4]. Лозунг создания авторитетной надпартийной и надклассовой власти звучал со стороны власти в Германии все 20-е и начало 30-х гг.[5]. Идея надпартийного правительства – это идея всего правления Гинденбурга, однако успешно реализовать ее не получалось. Гитлеру не пришлось сильно убеждать в такой необходимости, а правление одной партии – это тоже своеобразный вариант "надпартийного" правительства.

Ленин открыто писал, что "демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма..."[6]. Демократические институты и "буржуазные свободы" (свобода печати, свобода слова, свобода вероисповедания и др.) он считал "фетишами мещанской демократии" и гордился тем, что русская революция нанесла по ним "ощутимый удар"[7]. Демократия для Ленина возможна только для одного класса – рабочего и только до тех пор, пока права и свободы не вступают в противоречие с "классовыми интересами" (которые определяют революционеры, а не представители класса)[8].

В статье о парламентской тактике НСДАП в 1928 г. Геббельс откровенно писал: "Мы станем депутатами, чтобы парализовать Веймарский порядок с его же помощью... Для нас каждое законное средство является подходящим, чтобы сегодняшнее положение революционизировать..."[9]. "Я смертельный враг демократии", – заявлял Гитлер в интервью прессе в 1931 г.[10]. Ленин называл глупостью, что равные избирательные права необходимо предоставить и рабочему, и эксплуататору. Гитлер восклицал: "Какая глупость: у избирательной урны профессор и уборщица конюшни имеют равные права!"[11].

Авторитарное правление, однопартийная система стали реакцией на "недостатки" демократии. В Германии эта реакция выглядит естественно на события и процессы 1918–1929 гг. В России, где подобной демократии не было, это стало влиянием интернациональных идей, т.е. реакцией части русской интеллигенции не на отечественные, а на европейские реалии. Ленин в качестве обоснования "атаки" на демократию и легитимности авторитарного правления взял лозунг классового интереса, Гитлер – национального. И большевики, и нацисты пытались воспользоваться демократическими институтами для захвата власти, у НСДАП это получилось, большевикам, в конце концов, пришлось идти путем вооруженного государственного переворота.

Что касается экономических моделей развития, то в начале XX в. особый интерес представляла немецкая модель государственного монополизма, которая позволила стране в короткие сроки выбиться в

лидирующие государства Европы. Еще в разработке идеи империализма как высшей стадии капитализма (август 1917 г.) Ленин особо уделил внимание государственно-монополистическому капитализму, переход к которому во всех развитых капиталистических странах, по его мнению, ускорила война[12]. Немецкую модель такого капитализма, с большой ролью государства в регулировании, выбрал Ленин для послереволюционной России, так как государственно-монополистический капитализм позволял использовать мобилизационную экономику и мог обеспечить быстрый подъем страны. Элементы такого регулирования в России использовались до первой мировой войны, были усилены в период военного противостояния, а революция завершила переход к крайней форме государственного капитализма и закрепила его в России[13].

Однако Германия и Советская Россия были не единственными государствами, возлагавшими надежды на такие формы регулирования и развития экономики, в той или степени реализацией таких идей было охвачено большинство стран Европы. В период между двумя мировыми войнами "во многих странах Европы государство осуществляло прямое, массированное вмешательство в повседневную экономическую жизнь; непосредственное воздействие мировых войн ощутили даже те немногие нейтральные регионы, которые они пощадили"[14].

Главное сходство условий России и Германии заключалось в наличии сильного социального протеста и его радикализации. Социальный протест в России принял массовые и радикальные формы в период 1905–1907 гг., затухая на время и разгораясь в 1914 г., прерывается мировой войной и приводит к революции 1917 г., сначала февральской, а затем октябрьской, и переходит в гражданскую войну, длившуюся до 1922 г. Германия 1918–1932 гг. представляла из себя бурлящий котел: забастовки, восстания, попытки сепаратизма, частая смена правительств, непрекращающийся экономический кризис. Все эти годы все немецкие правительства вели борьбу с репарациями, которые Германия должна была выплачивать победителям и которые тяжелым бременем ложились на немецкую экономику. И для России, и для Германии I мировая война сыграла существенную, если не решающую, роль в развитии событий. В России и Германии общество разделилось: четверть населения поддержала большевиков, треть населения Германии – нацистов, остальное общество "расплылось" между различными "партиями" (политическими убеждениями) и не смогло создать единую противодействующую силу[15]. Таким образом, меньшинство населения, но представляющее значительную его часть (от четверти до трети), консолидированное и мобилизованное, с активным и решительным руководством, смогло навязать свою волю большинству населения, у которого отсутствовал единый мобилизационный и консолидирующий центр.

Большевики, а за ними и КПГ (Коммунистическая партия Германии), и НСДАП являлись партиями, использовавшими примерно одинаковый набор технологий работы с социальным протестом и использования его в целях захвата власти. От современников не укрылось сходство между коммунистами и нацистами в деле борьбы за массы[16]. Принципы партийного строительства подчинялись главной цели – захвату власти и революции, которую провозглашали и Ленин, и Гитлер[17]. Это обусловило состав партии, чрезмерную централизацию и минимум внутрипартийной демократии – признаки, присущие военизированной организации. Относительно небольшая сплоченная группа активных членов – вот пример боевой партии для России и Германии периода взятия власти радикальными партиями. И РКП(б) и НСДАП стали значительно расти в количественном отношении только после того, как эти партии стали "партиями власти". Примечательно, что важную роль в партийной и общественной деятельности большевиков и национал-социалистов, а также захвате власти сыграли боевые организации.

С точки зрения общественно-политической обстановки и социальной психологии примечателен следующий факт. Считается, что в конце XIX века экономика Германии заняла третье место среди ведущих индустриальных государств после Англии и США[18], но германская социал-демократия опережала своих коллег в Англии и США по численности, организованности и

идейной мотивированности. Та же история случилась в России в начале XX века: экономически отсталая страна обладала к 1917 году самыми массовыми и самыми активными социалистическими партиями.

Террор как средство политики придумал не Гитлер, террор как главное оружие революции (борьбы "революционной власти" с продолжающимся протестом) внедрили якобинцы в Великой Французской революции. Этот метод уничтожения "массы" бунта (тех, кто обладает протестными настроениями по отношению к власти) успешно использовали большевики в период 1917–1922 г., а затем применили и в мирное время как одно из средств решения проблем с проявляющимися и потенциальными протестными настроениями.

Образ врага постоянно создавался Лениным: Корнилов, Керенский, капиталисты-буржуи, "кулаки" и т.д.[19].

Образ врага активно использовался в СССР в период 20–30-х гг. для мобилизации населения на "трудовые фронты". Ленинское "Смерть – или победа!"[20] стало не только лейтмотивом гражданской войны, но и лозунгом "мирного строительства", которое идеологически приравнивалось к гражданской войне и борьбе с интервентами.

Нацисты не только постоянно эксплуатировали образ врага, но и находили новых врагов. "Бесконечная борьба требовала беспрестанных усилий", – как заметил по этому поводу Альбер Камю[21]. Представляет интерес и другое наблюдение французского мыслителя:

"Розенберг напыщенно сравнивал свою жизнь с поступью солдатской колонны: "Главное в том, что она марширует, а в каком направлении и с какой целью – это дело тридесятое"[22].

Это обязательное непрекращающееся движение становится характерной чертой последствий многих сильных протестных движений в период выхода из них или в попытках трансформировать активность населения с протеста на иные созидательные или разрушительные действия. Самые яркие примеры: СССР 20-х–60-х гг., Куба второй половины XX века. В этих двух случаях успехи были вначале внешние (победа в гражданской войне и отражение интервенции), а затем – внутренние: успешное строительство нового общества, достижения экономики, науки и социальной политики. Для Гитлера внутренние успехи были заменены внешними.

В основе во всех случаях лежит принцип "непрекращающейся революции" – психологической мобилизации населения на трудовые и боевые подвиги.

Итак, в XX в. разочарование в демократиях привело не только к авторитарным режимам после коммунистических революций, но и к фашистам в Италии и национал-социалистам в Германии. Авторитарные методы управления на небольшом историческом промежутке показали свою наибольшую эффективность. Экономический кризис 1929 г., который не отразился на СССР, а в Германии с приходом к власти нацистов его последствия удалось быстро ликвидировать, снова создал представление, что государственное регулирование и авторитарные методы в экономике и политике – это эффективный способ развития. Элементы государственно-монополистической системы как средство ускоренного развития, проявившие себя в конце XIX и начале XX века, в подготовке к первой мировой войне, в модернизации и развитии России после революции, получили новую жизнь в 30-х гг. и снова и снова, в различных сочетаниях и с разной степенью успешности, брались на вооружение в течение всего XX века.

Уже современники не могли не заметить схожести между большевиками и нацистами, СССР и Гитлеровской Германией. На верхнем уровне такую схожесть создавали режим тоталитарной власти, идеологизированность всех сфер жизни обоих государств, вмешательство государства и партии во все сферы жизни общества и индивида, система унификации от однопартийной системы и единого профсоюза до единого мнения и единства мысли. Однако идентичность приобреталась и на уровне многих политико-экономических и идеологических решений. Военизированные трудовые отряды и обязательная трудовая повинность сильно напоминали трудовые армии Троцкого и всеобщую трудовую повинность в СССР, гитлерюгенд – молодежные коммунистические движения, промышленный бум – первые пятилетки в СССР, "восторженность" населения

и "помешательство" Гитлером и национал-социализмом – "революционный угар" в СССР и т.д.

Схожесть между диктатурой пролетариата в России и нацистским режимом в Германии (кстати, и фашистским в Италии) образуется не только ввиду бросающейся в глаза формы правления – тоталитарной власти, но и глубинными причинами, куда уходят их корни. Среди таких корней лежат политико-экономические причины: задача вытащить страну из экономической и политической ямы, противопоставить что-то развитым странам и совершить экономический прорыв. Однако самая важная задача лежала в другой сфере – ликвидировать глубокие противоречия в обществе. Взгляд на эти противоречия и их суть были разными, но стремление их ликвидировать и пути решения были схожи – усиление роли государства в экономике и частной жизни, террор, милитаризация всех сфер жизни. Перед большевиками в 20-е и национал-социалистами в конце 20-х–30-е гг. стояла проблема снять выступления рабочих в виде массовых забастовок и демонстраций, успокоить протестные настроения в деревне. Пути устранения протестных настроений лежали в ликвидации политической оппозиции, терроре как способе устранения активных участников протеста и потенциального протеста, а также в улучшении социально-экономического положения в государстве и демонстрации больших успехов режима на внутренней и международной арене.

И большевики, и нацисты опирались на интеллигенцию и "угнетенные классы" – рабочих и крестьян, в том числе люмпен-пролетариат и деклассированные элементы. Основой протестного движения и в России, и в Германии стало молодое поколение интеллигенции и привилегированного сословия, рабочих и крестьян. Молодое поколение, которое выступало за изменения в стране на основе "прогрессивных" идей и "прогрессивных" экспериментов. Большевики участвовали парламентским путем, пока у них не было других вариантов (в 1906–1912 гг.), или для использования этого метода борьбы в своих планах переворота (в 1917 г.). Нацисты, попробовав путч, перешли на более успешный для них метод политической борьбы, при этом не скрывали, что демократия и парламентаризм для них – это всего лишь инструмент, но они будут отменены с приходом к власти.

В начале XX века Гюстав Лебон писал, что бороться с социалистическими идеями практически бесполезно, для того, чтобы "отрезвить" народы, необходимо "испытать" социализм, провести "эксперимент" в каком-нибудь государстве. Лебон был уверен, что "если это произойдет в Европе, то все заставляет предположить, что жертвой его будет бедная, наполовину разоренная страна, например, Италия"[23]. Этот эксперимент произошел во многих бедных и разоренных странах, но главным примером стала Россия. Следует отметить, что в Италии и разоренной войной и экономическим кризисом Германии были установлены фашистские режимы – варианты социализма, как его представляла часть населения. "Каждой из стран, – писал российский германист А.Ю. Ватлин о России и Германии первой трети XX в., – пришлось заплатить за поиски особого пути в истории (Sonderweg) огромными человеческими жертвами, потерей темпа развития и возвращением к давно утраченным идеалам"[24]. От себя добавим, что обе страны выбрали не какой-то самобытный путь, но обе зашли в крайности, и за это, действительно, пришлось расплачиваться.

---

[1] См.: Парето В. Трансформация демократии /Пер. с итальянского. М.: Территория будущего, 2011. С. 198, 206–207.

[2] Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: ИД Межд. ун-та в Москве, 2003. С. 181.

[3] Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. С. 68; Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии Германской революции 1918–1919. М.: Наука, 1990. С. 96.

[4] См.: Патрушев А.И. Указ. соч. С. 182.

[5] См. напр.: Рейхсканцлер Франц фон Папен о планах конституционной реформы (12 октября 1932 г.) // История Германии: учебное пособие: в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. М.: КДУ, 2008. С. 360.

[6] Ленин В.И. Заключительное слово по докладу Совета Народных Комиссаров 12 (25) января. Третий Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 (23–31) января 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М., 1974. С. 280.

[7] Ленин В.И. Новые времена, старые ошибки в новом виде // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 44. М., 1970. С. 102.

[8] Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 258.

[9] Из статьи Йозефа Геббельса о парламентской тактике НСДАП (май 1928 г.) // История Германии: учебное пособие: в 3 тт. /Под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. М.: КДУ, 2008. С. 357.

[10] Из бесед Гитлера с редактором газеты "Ляйпцигер Нойесте Нахрихтен" Брайтингом (май-июнь 1931 г.) // Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М.: Вече, 2004. С. 368.

[11] Там же.

[12] Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 3.

[13] Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М.: РОССПЭН, 2005. С. 32; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1998. С. 209.

[14] Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 /Пер. с нем. М.: ВЛАДОС, 1999. С. 263.

[15] Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 40. М.: Политиздат, 1974. С. 2, 4, 18; Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 324; Deutsche Geschichte 1933–1945: Dokumente zur Innen und Aussenpolitik. Hrsg. von W. Michalka. Frankfurt a/M.: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1993. S. 342.

[16] Устрялов Н.В. Германия. В круговороте фашистской свастики. М.: Алгоритм, 2012. С. 13; Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб.: София, 1991. С. 85.

[17] Ленин В.И. Партизанская война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-ое. Т. 14. М.: Политиздат, 1972. С. 8.

[18] История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. М.: Наука, 2000.

[19] Ленин В.И. О мобилизации рабочих на борьбу с голодом. Проект постановления СНК // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 319; 21. Он же. О продовольственных отрядах. Речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня 1918 г. Краткий газетный отчет // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 424; Он же. Письмо Г.Е. Зиновьеву 14. VI. 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Политиздат, 1970. С. 99; он же. Речь на заседании съезда земельных комитетов и крестьянской секции III съезда Советов 28 января (10 февраля) 1918 г. Газетный отчет // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 331.

[20] Ленин В.И. Речь на митинге красноармейцев на Ходынке 2 августа 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 30.

[21] Камю А. Человек бунтующий // Камю А. Сочинения в пяти томах. Т. 3. Харьков. 1998. С. 233.

[22] Там же.

[23] Лебон Г. Психология толп //Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. С. 26.

[24] Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 3.